

жество междисциплинарности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований) – 2009 – Т.1, №1.

5. Дементьев В.В. Что мы исследуем, когда исследуем институт // TERRA ECONOMICUS – 2009 – Т.7, №1.

6. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. – 2002. – №4.

7. Корнаи Я. Системная парадигма // Общество и экономика. – 1999. – №3-4.

8. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990.

9. Либман А. Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики – 2007. – №3.

10. Макашева Н. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х-1990-е гг.): революция и рост научного знания // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса [Текст] / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Ананьин (зам. гл. ред.), О.И. Ананьин и др. – М.: ГУ ВШЭ, 2006.

11. Московский А. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики //

Вопросы экономики – 2009 – №3

12. Мяки У. Является ли Коуз реалистом? // Истоки: экономика в контексте истории и культуры / Редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред), О.И. Ананьин и др. – М.: ГУ ВШЭ, 2004.

13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

14. Рёпке В. Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий нелиберализм: Пер. с нем. / Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

15. Розмаинский И. Методологические основы теории Кейнса и его «спор о методе» с Тинбергеном // Вопросы экономики. – 2007. – №4.

16. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. –1994. – Вып. 4.

Статья поступила в редакцию 24.05.2010

А.Н. ПИЛИПЕНКО, к.э.н., доцент

Национальный горный университет, г. Днепрпетровск

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Процесс институционального строительства, осуществляющийся уже более чем два десятилетия в странах постсоветского пространства, потребовал новых подходов к решению вопроса об экономической и политической роли государства. Пройдя путь демонтажа основ плановой экономики и форсированного либерализма, мы осознали тот очевидный факт, что институты свободного рынка и демократии, имплантированные в экономическое и политическое пространство постсоветских государств, не будут так же эффективно работать в нашей среде, как и в странах развитой экономики.

Стало понятным, что любые социальные трансформации не могут осуществляться без учета исторических особенностей каждой конкретной страны, ее национально-культурных традиций, господствующих мировоззренческих систем и доминирующих координационных институтов. Именно формирование механизма общественной координации оказалось наиболее значимой и, одновременно, наиболее сложной проблемой переходного периода.

Несмотря на активные исследования, предпринимаемые в последние годы как отечественными, так и российскими коллегами [1-3], проблема поиска оптимального соотношения рыночных и государственных механизмов в национальных моделях регулирования все еще остается далекой от своего окончательного решения. Традиционно в экономической теории рынок и государственное регулирование в качестве механизмов координации рассматриваются как силы, действующие в одной плоскости – больше рынка означает ослабление роли сознательного управления и, наоборот, возрастание масштабов государственного вмешательства в экономику расценивается как подрыв основ саморегулирования. Иными словами, некомпенсированное усиление одной из сторон механизма координации осуществляется, главным образом, за счет ослабления другой.

Целью данной статьи является поиск теоретических оснований доказательства того, что в реальности между государственным ре-

© А. Н. Пилипенко, 2010

.....
<http://www.donntu.edu.ua/> «Библиотека»/ «Информационные ресурсы»

<http://www.instud.org>, <http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/Npdntu/texts.html>

гулированием и саморегулированием существует более сложная диалектическая взаимосвязь, имеющая разные формы проявления в исторических условиях развития той или иной национальной экономики.

Исследуя механизм формирования такой взаимосвязи необходимо обратить внимание на то, что общественные системы характеризуются некой двойственностью: с одной стороны, их движение подчинено общим закономерностям саморазвития, а с другой – их динамика связана с интеллектом, способностью сознательно избирать варианты развития и в определенной мере направлять его. Такая двойственность была заложена в понимание общественного порядка и механизмов, его обеспечивающих. Изначально общественный порядок, отражающий соразмерность и равновесие, осмысленное соединение многообразия в единое целое, связывался исключительно с сознательным фактором.

Начиная с античных времен и заканчивая эпохой средневековья, человечество не могло осознать общественный порядок во всем его многообразии и сложности – упорядоченность мира понималась как результат сознательных действий, которые мог осуществить исключительно Бог. В силу этого в традиционных обществах институционализирующим основанием порядка выступала религиозная мораль, которая формировала определенную систему ценностей индивидов и их представление о государстве как выразителе божьей воли на земле. К примеру, в исторических памятках правовой мысли – «Законах Эшнуны» (XX в. до н. э.), «Законах Хаммурапи» (XVIII в. до н. э.) и др. – закреплён божественный характер происхождения законов и царской власти. «Боги поставили Хаммурапи править», «Человек есть тенью Бога, раб есть тенью человека, а царь равен Богу», – читаем в тексте законов [4, с.47].

Идея богоустановленности государственной власти активно развивается и христианством. Так, согласно Библии, Сын Божий передал людям через пророка Моисея законы, в которых недвусмысленно указывается на божественное происхождение государственной власти. «Всякая душа пусть будет покорна высшей власти, – говорится в послании Павла к римлянам, – так как нет власти не от Бога, существующая власть от Бога установлена» (Послание к римлянам 13:1).

Понимание общественного порядка как порождения божественной воли начинает изменяться только с XVI века, периода формиро-

вания крупных государственных образований и постепенного отхода от социальных отношений, характерных для традиционных обществ. В это время начинает расширяться сфера обмена, в которую все чаще включаются люди, лично не знакомые друг с другом. Возникает необходимость организации и регулирования неперсонифицированных трансакций, институционального оформления новых явлений и процессов. Этому содействуют идеи неотчуждаемого права каждого члена общества на свою личность и собственность, что дает возможность каждому отдельному индивиду противопоставить свои интересы интересам общества и государства.

Впервые подобные мысли возникают в философских концепциях Нового времени, а впоследствии находят свою идейную завершенность в теоретических системах физиократов и А. Смита. Общим основанием для этих теорий является утверждение о том, что могут существовать общественные порядки небожественного происхождения. Признание возможности возникновения того или иного механизма общественной координации без участия Творца впервые обнаруживается в идеях теоретиков естественного права, заложивших в основу целостности общества природу людей. В зависимости от наличия склонности индивидов к сотрудничеству избирается и соответствующий тип соотношения государства и общества. Это или модель государства, господствующего над людьми, или модель, где государство им подчиняется.

Если рассматривать распространенные в то время теории, касающиеся взаимодействия общества и государства, то наиболее яркими из них оказываются концепции Т. Гоббса и Дж. Локка. Оба мыслителя во взглядах на общественный порядок отталкиваются от природы людей, однако диаметрально противоположным образом выводят из нее роль государства. Т. Гоббс считает людей равными от природы, однако указывает, что на основе такого равенства между ними всегда возникает недоверие. Человеческой природе свойственны эгоизм, жадность, страх и честолюбие. Она не имеет оснований для добровольного сотрудничества. Поэтому, делает вывод ученый, пока люди живут без общей власти, которая только и может удерживать их в мире и спокойствии за счет страха, они находятся в состоянии «войны против всех». Чтобы не допустить нарушения естественных законов и права собственности, нужны принудительная власть и сила, контро-

лирующие человеческие инстинкты. Первая появляется вместе с возникновением государства, а вторая – с появлением гражданских законов. Таким образом, и власть, и сила у Гоббса утрачивают божественное происхождение и выступают результатом общественного договора, вследствие которого возникает абсолютная власть Левиафана, «созданного человеческим искусством и названного Республикой или Государством» [5, с.302].

Дж. Локк также исходит из природы людей, однако считает их вполне способными к добровольному сотрудничеству. Оно возникает на основе отношений собственности. Дж. Локк утверждает, что Бог передал землю роду человеческому в полное владение и, благодаря этому, человек стал творением и собственностью Бога. Именно на основе собственности возникло сообщество равных людей, объединенных между собой христианскими моральными принципами и наделенных особыми правами свободы распоряжения собой, своими действиями и своим имуществом. При таком состоянии общества «роль правительства – защищать жизнь, свободу и имущество людей. Они могли бы это делать самостоятельно, но правительство является эффективной системой защиты прав... Однако, когда правительство выходит за границы отведенной ему роли, люди имеют право на бунт» [6, с.98]. Таким образом, власть государства содержится в самих людях, так как «ни одно правительство не имеет права требовать от народа послушания, если он не согласен на это по доброй воле» [6, с.192]. Иными словами, в концепции Дж. Локка государство выступает в качестве третьей стороны, гарантирующего исполнение условий первичного общественного договора.

Позиции Т. Гоббса и Дж. Локка дают нам почву для размышлений над тем, сколько государства необходимо обществу и как определяется эта доля. Т. Гоббс рассматривает общество, находящееся между анархией и порядком. Анархия, проистекающая из неспособности людей к добровольному сотрудничеству, считается нежелательной, а за счет авторитарной формы правления устанавливается порядок. Дж. Локк исследует общество через призму свободы и насилия. Целью является свобода. Поэтому естественные права на свободу заменяют собой власть любого правительства: люди добровольно объединяются в сообщество, скрепленное христианской моралью, без внешнего принуждения. Из этих теорий органично следует, что при наличии возможности

обеспечить общественный порядок на добровольных началах – государства должно быть мало, а при их отсутствии – много. Причем конституирующим основанием общественного порядка является либо иерархическая власть (рука Левиафана), либо религиозная мораль.

В дальнейших, более поздних исследованиях мораль в качестве фактора установления общественного порядка постепенно вытесняется, а в науке утверждается преимущественно экономический взгляд на общество и его координационные механизмы. Речь начинает вестись не об общественном, а о хозяйственном порядке. Этому содействует новый тип экономических отношений, прочно укоренившийся в XVI-XVII веках в большинстве европейских государств. Он являл собой нечто иное, как коммерческое общество, в котором каждый «...человек живет обменом или становится определенной мерой торговцем, а само общество превращается, так сказать, в торговый союз» [7, с.82].

Новый тип взаимоотношений между людьми указывал на отличный от уже известных механизм координации. Познание его природы вызывало бурные дискуссии, «интеллектуальный контекст которых был сначала морально-религиозным и правовым, затем он постепенно изменялся, и доминирующим дискурсом стал натуралистический и экономический. А. Смит стоял на обеих сторонах этого изменения, он завершал один период и начинал другой, сформировав тот язык, в терминах которого последующие поколения стали вести речь о проблемах экономики в полном их отрыве от проблем морали» [8, с.198-199].

Сначала в «Теории моральных чувств» (1759) А Смит разделяет два вида индивидуального поведения: альтруизм и эгоизм, подчеркивая, что «социальные отношения могут существовать без любви и привязанности, основываясь исключительно на пользе и справедливости» [9, с.87]. Устраняя определяющую роль моральных импульсов в экономической деятельности, хотя и не опровергая их роли в координации действий человека, уже в «Исследовании о причинах богатства народов» (1776) ученый сосредотачивается на действии исключительно эгоистических стимулов. А. Смит подчеркивает, что добропорядочные граждане ни в коей мере не должны чувствовать вину за свое стремление реализовать собственные эгоистические интересы. «Я никогда не слышал, чтобы человек, который занимается торговлей во имя общественного блага, на

самом деле сделал что-нибудь по-настоящему полезное», – утверждает мыслитель [7, с.265].

Поскольку люди живут в обществе и имеют моральные чувства, их взаимодействие между собой с необходимостью обеспечивает естественный баланс интересов: «преследуя свои собственные цели, индивид часто более действенно служит интересам общества, нежели тогда, когда сознательно пытается этого достичь» [7, 331]. В этом ему оказывает помощь «невидимая рука» – механизм, который нацеливает индивидуальные решения к результатам, выгодным всему обществу. Благодаря взаимосвязи, которую установил А. Смит между индивидуальной и общественной выгодой, мораль утратила свое определяющее влияние на объяснение механизма принятия индивидуальных решений.

Ученый описал рынок как сумму коммерческих обменов, как игру и взаимодействие частных интересов, в результате чего в обществе устанавливается заранее не спланированный спонтанный порядок. Он, в отличие от порядка, который индивиды навязывают друг другу, возникает сам по себе. Государству при таких условиях отводится роль обеспечения безопасности и правопорядка, включая защиту частной собственности. «Для того, чтобы поднять государство из самой низкой степени варварства к наивысшей степени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении – все остальное обеспечит естественный ход вещей» [7, с.332].

Понимание общественных порядков в духе классической школы постепенно выделило не столько их нормативное, сколько экономическое содержание. Под порядком стала пониматься исключительно система координации, представленная механизмами рыночного саморегулирования и государственного воздействия на экономику. И если раньше в теории оба типа механизмов координации противопоставлялись друг другу, то сегодня утвердилось понимание того, что в национальных моделях регулирования должны наличествовать и рыночные, и государственные регуляторы. Поэтому, когда речь идет о влиянии государства на рыночные процессы, противостояние между представителями различных школ и направлений экономической науки происходит в сфере вопросов уже не столько выяснения причин самого присутствия государства в рыночной экономике, сколько определения направленности его влияния и оптимальных масштабов.

Если проанализировать процесс формиро-

вания национальных моделей регулирования в исторической перспективе, то оказывается, что ни в одной из стран развитой экономики так и не был выработан единый критерий оптимального сочетания государства и рынка. Более того, доля государственного и рыночного регулирования никогда не была жестко определена. Даже достаточно либеральные модели, где регулирующая роль государства была сведена к минимуму, имели место периоды усиления роли государства. В этой связи можно вспомнить реформы Ф. Рузвельта в период Великой депрессии, проводимые в достаточно либеральной экономике США. И, наоборот, жестко централизованные экономические системы «допускали» в свой механизм регулирования рыночную стихию. Примерами могут служить период НЭПа в СССР, либеральные реформы Л. Эрхарда в послевоенной Германии и др. Как свидетельствует история, и в первом, и во втором случае экономические системы только выигрывали.

Однако там, где существовали сильные традиции предпринимательства, развитая конкурентная среда и демократические институты, где доминировала индивидуалистическая идеология, базирующаяся на определенных моральных ценностях, саморегулирующие механизмы оказались более значительными по масштабам влияния, чем государственные. Одновременно отсутствие в общественном сознании доминирующих либеральных ценностей, слабость институтов гражданского общества и неразвитость конкурентной среды обусловили при одинаковых экономических условиях в ряде стран превалирование не рыночных, а государственных регуляторов.

Показательными в этом отношении являются страны Восточной Азии и, прежде всего, Япония. Традиционные конфуцианские ценности, в основе которых находятся патерналистские традиции, содействовали формированию в этих странах уникальных экономических систем, в которых на фоне незначительной доли перераспределения ВВП через бюджет рыночные отношения соединяются с достаточно жестким влиянием правительства на экономику.

Вышесказанное позволяет утверждать, что на формирование той или иной доли рынка и государственного воздействия в национальных моделях регулирования оказывает влияние целый комплекс факторов. В различные исторические периоды доминирующими могли быть не только экономические, но и политические, моральные, религиозные, этические, культур-

ные и другие детерминанты. Соединяясь между собой, они формировали ту институциональную среду, в которой, собственно, и осуществлялась общественная координация. Причем основой этой среды всегда выступала определенная нормативно-ценностная система.

Деятельность человека во многом определяется ценностями, глубинными представлениями, символами и стереотипами, которые он усваивает в процессе воспитания и обретения жизненного опыта. В свою очередь, любая социальная система представлена актами взаимодействия людей, которые различаются между собой по генетическим, биологическим и когнитивным особенностям. Такие различия объективно приводят к тому, что социальные системы испытывают на себе воздействие индивидуальных нормативных порядков. Однако в силу необходимости сохранения обществом своей системной целостности, в нем с неизбежностью устанавливается некая структурная устойчивость. Вот она как раз и достигается за счет того, что большинство членов общества придерживается общезначимых и общепризнанных норм и правил поведения. Последние интериорируются за счет государственного воздействия (правовые и властные отношения), религиозного и идеологического влияния, а также экономических регуляторов, связанных с механизмами функционирования рынка.

Однако следует отметить, что укорененность определенных норм и правил в социуме зависит от уровня их сопряженности с социокультурными ценностями, так как общество следует правилам только в том случае, когда они отвечают его духу, господствующему мировоззрению. Это касается и меры насилия, которую допускают по отношению к себе со стороны регулирующих институтов члены определенного общества. Таким образом, управленческая система общества очень тесным образом оказывается связанной с нормативно-ценностной системой: ее воздействие на поведение индивидов возможно только в тех границах, которые определяются и задаются более глубокими ментальными основаниями.

Нормативно-ценностная система является достаточно инертным и консервативным элементом общества. Ее формирование осуществляется в определенных исторических условиях, что обуславливает возникновение в различных странах и совершенно разных сочетаний саморегулирующихся и регулирующих механизмов. В тех системах, где в ходе исторического развития в общественном сознании

укоренились преимущественно либеральные ценности, как правило, доминирующими являются рыночные формы координации. И, наоборот, там, где превалируют патерналистские ценностные механизмы координации представлен в подавляющем масштабе институтами редиистрибуции.

Таким образом, мы приходим к выводу, что нормативно-ценностная система находится в основании общественного порядка, понимаемого в более широком смысле, нежели чисто экономическом. Она отображает, с одной стороны, мотивации людей, а с другой – находится в основании этических, правовых и политических ограничений способов реализации этих мотиваций, содействуя тем самым формированию той или иной модели сочетания координационных механизмов. Поэтому в реальности не существует как абсолютных границ саморегулирования и государственного воздействия на экономику, так и оптимальных параметров их сочетания вне конкретных исторических условий формирования нормативно-ценностных систем и ментальных моделей общества.

Литература

1. Малий І.Й., Діба М.І., Галабурда М.К. Держава і ринок: філософія взаємодії: Монографія / За заг. та наук. ред. д-ра екон. наук, проф. Малога І.Й. – К.: КНЕУ, 2005. – 358 с.
2. Шамхалов Ф. Государство и экономика. Власть и бизнес. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. – 714с.
3. Серегина С. Роль государства в экономике. Синергетический поход. – М.: Издательство «Дело и сервис», 2002. – 288 с.
4. Антология мировой правовой мысли в 5-ти т. / Под ред. Ю. Семигина. – Т.1. – М.: Мысль, 1999. – 750 с.
5. Гоббс Т. Левиафан. / Сочинения в 2-х т. – Т.2. / Пер. с англ. и лат. В. В. Соколова – М.: Республика, 1991. – 736 с.
6. Локк Д. Два трактата о правлении. – Челябинск: Социум, 2007. – 264 с.
7. Сміт А. Дослідження про природу та причини добробуту націй / Пер. О.Васильєвої, М.Межевікіної, А. Малівського. – К.: Port-Royal, 2001. – 594 с.
8. Смит Р. История гуманитарных наук. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 392 с.
9. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. – 351с.

Статья поступила в редакцию 08.05.2010